

О бщественно порицается быть неопределенной субстанцией, размазанной по площадке бытия; объектом, сведенным к недвижимой точке координат быть тоже нежелательно. Мне говорят: будь как море, волнуйся, тревожься, топи солью и волнами зазевавшихся моряков, вычеркивай из своей памяти все заветы Бродского, комкай с ними листы, комнату закрывай непременно наружи. Втискивай свое художочное тело, вернее, практический скелет, в жесткие ребра корсета организованности.

А еще лучше — скидывай в небольшую походную сумку неповоротливость своей души, солнцезащитные очки из последней коллекции Ray-Ban да пару плюшевых одеял для надежности, чтобы не продрогнуть: ночи на удивление зябкие.

Скинула. Поехала с компанией шумных, говорливых ребят.

Воздух оказывается наполненным предчувствиями дорог; ими дышится и живет. Первенство и право их — на неискоренимый десяток дней. Дороги сплетаются в узел, клубком лежат у ног, бери — иди, и над головой небо высокое вогнуто, горами ограничено. Все, что нужно, — только идти вперед: по-ученически старательно продирается сквозь траву, стоящую по пояс, перепрыгивать мутные лужи на размытой дороге. Землю ногами расталкивая, дышать.

Мне на удивление легко дышится, после серости-то комнат и протяженности анфилад, теряющейся в тусклом свете ламп. Легко дышится, легко засыпается, живет тоже легко: душа невесомо теряется между горами-титанами, залиvisto хохочет, дескать, не сожалей! Умиротворение, существующее вне системы координат, пробивает грудь насквозь.

Забываюсь под стрекот кузнечиков; смаргиваю реальность и неразлично текущие дни. Просыпаюсь от дурманного небытия, обнаруживая под ногами подвесной мост. Он раскачивается мерно, из стороны в сторону, канаты не скрипят, доски не скрипят, мост крепкий, надежный, но сердце бьется шально, глупому сердцу страшно; тремя метрами вниз — бурлит Катунь.

Под ногами перекатывается белая пена. Цвета воды — не помню, помню — шум и белую пену и как мягко подталкивают в спину и смеются:

— Не смотри вниз.

В первый день по покатою крыше дробно выстукивает дождь. Домик маленький, картонный (вернее — гипсокартонный), дунь — и он разлетится, рассыплется, крышей придавит, но он стоит, а мы сидим внутри. Сквозь щель под дверью задувает ветер.

Свалены в углу пакеты с едой, у входа — грязь.

Гром перекатывается в тяжелых маслянистых облаках.

В доме темно, холодно и зябко, а я сижу под самым окном, вытянув ногу. Промокли кеды, промокла куртка — дождь начался внезапно, почти мгновенно. Время течет медленно, неспешно сглаживает углы, и нестерпимо хочется спать. Закрываю глаза.

Десять часов назад был автобус — маленький, тесный старый пазик. И что, мы на этом поедим? — кривили нос.

Маршрут намечен, вещи сложены; из города с литерой Б («Б» — значит «Барнаул») в городишко (а город ли вообще?) с литерой «Ч».

Пять часов назад была ярмарка — шумела, красками бросалась, запахами окутывала. Маленькие лавчонки, на прилавках — кулоны, амулеты, браслеты, смешные деревянные медведи.

— Куда едете?

— В Горный, — машу рукой неопределенно, отвечая за всех; указываю в сторону холмов и дороги, у которой нет ни конца ни края. Она змеится и убегает за горизонт. Он раскидывается, расстилается простыней, обозначая край света. На седьмой день понимаются: сколько ни иди, не тронешь рукой.

Ходим много, усталость наваливается, сказочные сапоги железные на ногах.

По мокрым острым скалам, по корням деревьев идем — по узкой козьей тропке идем, высотой дышим, крутой обрыв совсем рядом.

Идем, идем, идем — к шаману, к кострам, легенды слушаем. Возвращаемся затемно, оступиться боимся, а река — река все так же шумит совсем близко. А по ночам — по хлипкому брезентовому навесу над головой бьет неизбежный дождь.

Мы теряемся в переплетении дорог. Они разбегаются, неотличимые друг от друга. Развилки, перепутья, перекрестки: направо ехати — коня теряти, налево ехати — женату быть, прямо ехати — убиту быть. Вся земля — отголоски древних легенд.

В последний день возвращаемся на закате, все вместе и все по отдельности; молчим, и тишина удущает, голоса скованы усталостью. Солнце все еще палит.

Опять идем в лагерь, трава все еще хранит следы недавнего дождя. За плечами — тяжелые сумки. Впереди огромное поле — оно действительно необъятное — и горы со всех сторон. Дороги нет, лишь трава в пояс. Провожу по ней пальцами, молчу.

Говорят:

— Ты знаешь «Балладу о борьбе»?

Идем в полной тишине, лишь тяжелое дыхание: снова подъем в гору, снова размытая тропа. Сцепляю пальцы на лямке рюкзака крепче, сильнее ноги в землю впечатываю. Давай же, последний рывок: последнее бескрайнее поле.

Громкий стрекот кузнечиков, запах мокрой травы. Отъезд — завтра, завтра мы загрузимся во все тот же пазик и будем молчать до изнеможения, переваривая десять дней абсолютно земной невесомости. Через девять часов приедем домой. Достану из футляра очки, расшнурую корсет организованности. Не досчитаюсь одного одеяла; закостенею в определенной точке координат. И далее погрязну под неопределенной бесконечностью времени.

Все еще молчу, когда в меня кидают скомканный лист маршрута.

— Так знаешь? — повторяют настойчиво.

Весь мир перетягивается предчувствием скорой катастрофы, в красном закате умирают горы-великаны (для меня — чтоб больней не было).

Начинаю петь, тихо, скованно.

Трескается тишина.